

О.А. ДОЛЬСКАЯ, канд. филос. наук, доцент

ЯЗЫК И «КАРТИНА МИРА»

В статье сделана попытка проанализировать структурные уровни понятия «картина мира», используя в методологическом плане понятие «языковая модель мира». Показано влияние языка на формирование понятия «картина мира».

У статті зроблена спроба зробити аналіз структурних рівнів поняття «картина світу», залучаючи у методологічному плані поняття «мовна картина світу». Показан вплив мови на формування поняття «картина світу».

An attempt to analyse the structural levels of concept «world picture» is done in the article, using in a methodological plan a concept «linguistic model of world». Influence of language is rotined on forming a concept «world picture».

Актуальность. Время смены «картины мира», заявленная в XX в. М. Хайдеггером, во многом обусловлена изменениями в «языковой картине мира». Понятие «картина мира» синонимично «образу мира», «видению мира», «модели мира». Задача: проанализировать понятие «языковая картина мира» как «промежуточной картины» в методологическом плане для более четкого понимания роли и значения языка в формировании понятия «картина мира».

Цель: выделить возможные составляющие структурные уровни понятия «картина мира», используя понятие «языковая картина мира». Показать влияние, роль и значение языка на формирование каждого уровня и высказать предположение, что с позиции коммуникативно-прагматической парадигмы для формирования и понимания концепта «картина мира» необходимо введение новых понятий.

М. Хайдеггер представляет картину мира как сущностно понятий мир, а сама картина означает «...не картину, изображающую мир, а мир, понятий в смысле такой картины. Сущее в целом берется так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком» [10, с. 49]. Эта тема приобретает все больший интерес, оставляя позади наивное представление о непосредственной данности мира человеку благодаря только его органам чувств. Наши перцепции дают материал нашим концептам, но это не означает, что одно вытекает из другого. И перцепты, и концепты составляют единое целое, они не отделены друг от друга, дополняют и оплодотворяют друг друга. Если опираться на теорию семантического значения, то она задает нам методику поиска значения языкового выражения с опорой на этимологическую реконструкцию исследуемого языкового факта. Теория ментальностей предлагает рассматривать языковые образования как результаты

специфического – духовного - развития культуры. Семиотика и социолингвистика ставят акцент на знаковом характере языка. С опорой на эти направления и будет строиться методика наших поисков. Ведущим же методологическим принципом мы выбрали концепцию лингвистической относительности.

Начать рассуждение хотелось бы с немецкой философии, так как о специфике языка каждого народа впервые заговорили именно немецкие философы, что и послужило основанием для формирования этой концепции. Одним из первых об этом писал В. фон Гумбольдт: специфика народа заключена в его языке, который развивается вместе с духовной силой народа. Внешнее проявление этого духа и есть язык. Гумбольдт обращает внимание на двойной процесс: с одной стороны, в языке проявляется характер народа, с другой, - духовные особенности определяют характер языка. Он провозглашает тождество духа народа и его языка. Овладеть вещами – значит овладеть словами. Все, что в нем высказывается, имеет тенденцию к существованию. Следовательно, многие ключевые понятия, кажущиеся универсальными, полностью зависят от языковой структуры. Язык, имея непосредственную связь с сознанием, способен создавать языковой мир между народом и окружающей его действительностью. Этот мир становится реальностью и сообщает нам, как предметы даны в сознании и как понятия-слова понимаются. Идеи Гумбольдта продолжал Л. Вайсгербер, выдвигая идею посреднической роли языка. Он предложил гипотезу «промежуточного мира», в которой язык и есть этот промежуточный мир, стоящий между реальностью и сознанием. Языков множество, они различны, следовательно, «видят миры по-разному» и им соответствуют различные картины мира, которые могут просто не совпадать. Лишь язык дает нам возможность познавать мир, но в то же время его когнитивность не всеобща. Нам присуща способность мыслить, исходя из языковых возможностей. «Мы полагаемся на усвоенное, мы анализируем наш опыт главным образом мерками языковых явлений, на основе нашего языкового знания. Это заходит так далеко, что мы слепо доверяем языку даже там, где наш собственный опыт мог бы указать иное направление» [4, с. 148]. Ограниченность познавательных возможностей человека Вайсбергер связывает со специфичностью каждого языка. Внутренняя форма языка понимается им как система понятийных категорий. «Способ видения мира прививается человеку. Лишь родной язык делает мышление возможным. С точки зрения родного языка можно понять, почему мы думаем так, а не иначе. С этой точки зрения человек “понимает” предметы» [4, с. 150]. В статье мы будем использоваться понятие «промежуточный мир», предложенный Вайсбергером, в методологическом плане.

О том, что с помощью языка формируется картина мира, писал и один из самых популярных философов XX в. Л. Витгенштейн, Он так определяет картину мира: «Нас берет в плен картина. И мы не можем выйти за ее

пределы, ибо она заключена в нашем языке, и тот как бы нещадно повторяет ее нам» [5, с. 128]. Это понятие выступает как необходимое условие для упорядочивания знаний об окружающем мире. В современной философии тема картины мира приобретает все большую актуальность, утверждается мысль о том, что мир разворачивается благодаря языку, который влияет на процессы познания, а его результаты - и на человеческие поступки. То есть картина мира создается не только познанием, но и языком. Это дает возможность представить язык как реальность, формирующую и определяющую картину мира. Тут так и просятся примеры из текстов, различных по времени создания: «Моление о слове» Гаты Заратуштры, творение Речи содружеством древних риши из «Ригведы», Библийское «В начале было Слово». Интересны и следующие наблюдения. Опыренный славой индийский Атман говорит о создании им мира, Гете словами молодого и хвастливого Бакалавра, пытающего пустить пыль в глаза Фаусту, также рассказывает о собственном творении мира. И может в этом хвастовстве есть доля истинного положения дел: «Мир! Его не было, пока я его не создал» [6, с. 267]. Язык предстает как величайшая мощь, с помощью которой творится мир. В целом, под «картиной мира» мы понимаем объективную реальность, которая образуется благодаря языковым представлениям и является нерелексирующей рефлексией говорящих.

Есть две тенденции для понимания «промежуточной картины мира» (языковой). Первая связана с противопоставлением ее научной картине мира, что дает возможность подчеркнуть непосредственную связь «языковой картины» с «наивной картиной мира» (обыденной). Вторая тенденция связана с недостаточностью средств собственно понятийного аппарата для построения «языковой картины мира». Об этом еще в конце XX в. писал Брутян Г.А., указывая на необходимость рассматривать картину мира в двух подходах: в концептуальной и языковой. Под концептуальной картиной мира он подразумевал знания, которые выступают и как результат мыслительного отражения действительности, и как итог чувственного познания. Под языковой картиной мира подразумевается вся информация, закрепленная средствами живых, разговорных языков. Автор настаивает на особенной роли концептуальной модели, опираясь на следующие моменты:

1. Концептуальная модель мира несет в себе основную и существенную информацию об окружающей действительности.

2. Концептуальная модель мира совпадает с сердцевиной, основной частью языковой модели мира.

Опора на концептуальную модель и дает нам возможность вводить такие понятия, как «научная картина мира», «религиозная картина мира», «философская картина мира» и т.п. Он также заявляет и о принципе лингвистической дополненности, согласно которой «знания, содержащиеся в периферийных участках языковой модели мира, являются дополнительной информацией об окружающей нас действительности» [3,

с. 111]. Концептуальная модель мира тесно связана с языковой. Исходя из того, что когнитивная схема картины мира трехчленна и представлена следующими категориями язык – мышление – мир, то «промежуточная картина мира» является основой для формирования концептуальной модели мира. Концептуальная модель, которая структурирует знание о мире, может быть результатом, продолжением языковой модели (языковой картины мира), но на более высоком уровне. Это также дает основание для использования понятия «языковая картина мира» в методическом плане. Теперь попытаемся определить уровни, структурирующие формирование языковой картины мира как «промежуточной картины», которые в совокупности и создают связку-посредницу.

Первый уровень связан с природными особенностями языка и представляет собой доязыковое мышление. На наш взгляд, невозможно понимание языковой картины мира без учета природного компонента в функционировании языка. Последователь Дарвина У. Джеймс, трактует язык как своеобразное инженерное чудо природы. Язык-инженер на первых этапах развития выполняет две важнейшие функции – структурирование и различение. Изучая язык с детства, человек научается структурировать свое существование, ощущения, восприятия и т.п. Более того, структурируя, человек одновременно учится различать элементы жизненного мира. Различение способствует дифференциации мира и одновременно получает свое наименование. Таким образом, структурирование и различение выступают теми функциями, с помощью которых человек может оформить свой первоначальный опыт. Применение языка остается все же неосознанным, хотя он и дает разуму средства для выражения мыслей.

Следующий уровень характеризуется языковым мышлением. При языковом мышлении язык организует набор всех различий в единую структуру. Единицы низшего порядка соединяются в единицы высшего порядка. Эта структура и придает форму содержанию мысли, которая оформляется языковыми рамками. Вне языка могут оставаться жесты, мимика, неясные побуждения. О специфической взаимосвязи мышления и языка писал Э. Бенвенист. Анализируя категории, введенные Аристотелем, Бенвенист дал им языковой статус. В своих рассуждениях Аристотель выделял десять категорий-предикатов (субстанция, сколько, какой, в каком отношении, где, когда, в каком положении, в каком состоянии, делать, подвергаться действию), которыми можно высказать бытие и которым он дал логический статус. Бенвенист же доказал, что «такие типы являются, прежде всего, языковыми категориями» [2, с. 107]. Он не согласен с их логическим статусом: «выделяя их как универсальные, на самом деле получает в результате основные и исходные категории языка, на котором он (Аристотель) мыслит» [2, с. 107].

Теперь о ментальном уровне. В истории человечества пространственные характеристики мыслились, прежде всего, как видимое

пространство, в котором располагаются вещи. Это пространство служило основой, в которой выделялось некое ядро, в нашем случае некое место, на котором выросло то, что служило для человека действительно существующей реальностью. Параллельно происходило формирование пространства референции, складывающееся под влиянием ментальных факторов. Структурирование мира происходило через понятия, которые начинают оформляться благодаря ментальным представлениям. Тот же Бенвенист настаивает на невозможности в некоторых языках субстанциализации глаголов. Это значит, что в этих языках невозможно ввести категорию «бытия» в том смысле, в котором ее используют языки индоевропейской группы. Он также подчеркивает тот факт, что категории, к которым Аристотель применял статус универсальных, в некоторых языках просто невозможны. Предполагается, что «промежуточная картина мира» - это результат отражения в мышлении и последующее его оязыковление, которое происходит именно благодаря определенному мышлению, являясь результатом восприятия мира определенной языковой и культурной целостностью. В самом общем виде работа направлена на воссоздание пространства, где эти слова будут «жить», т.е. употребляться. Уже Платон пользовался определенными ментальными ассоциациями, которые можно расценивать как дологическую логику в желании дать исчерпывающее значение понятий с опорой на ментальные представления о мире. Например, при определении справедливости он использовал следующие ассоциации. Справедливые у него понимались как правые, как устремленные вверх, к небу, а злые – как левые, ассоциировались со спуском, с «задними ролями» [9, 614 с.]. Вопрос о том, можно ли ментальность объяснять с языковых позиций или, наоборот, язык рассматривать с точки зрения ментальных особенностей восприятия мира волновал философов и в дальнейшем.

Интенционально-феноменологический уровень. Человек осваивает мир через язык с единственной целью – укорениться в мире. Это стремление настолько сильно, что создание языкового словаря – это практика, настроенная на процесс обустроенности. Человек укореняется в мире через язык. Картина мира, отсылающая к этому уровню, сложилась у Э. Гуссерля, а свое языковое оформление получила в работах Хайдеггера. Гуссерль рассматривал язык как способ видения объектов, как тело мысли. Такая установка возникла у него при стремлении разобраться в понятиях «межличностные отношения» и «общение». Выдвинув идею нового (феноменологического подхода) к языку взамен традиционной грамматики, оперирующей абстракциями, он предложил основываться в рассуждениях на эйдосах языка. Под эйдосами он понимал сущность объекта, но не в традиционном смысле, а как инвариант чувственно воспринимаемой вещи. Основанное на эйдосах описание языка будет «эйдетикой» языка, универсальной грамматикой. Такой подход отсылает к поискам глубинного, невыразимого начала в самом человеческом существе именно как языковом

существо. В своем словаре Гуссерль активно использовал такие понятия, как интенциональность, интересубъективность, жизненный мир. В феноменологии, считает он, «язык должен быть осмыслен как выяснение отношений языка к говорящему субъекту, как мой контакт с языком, на котором я говорю» [8, с. 203]. Язык – это и есть наивная предпосылка феноменологии. Источники понятия интенции можно найти у схоластов. По латыни *intentio* – напряжение, устремление сознания, внимания. Схоласты различали первые интенции (устремление сознания на предмет, акт) и вторые интенции – устремление сознания на акт мысли, то есть на первые интенции. Brentano понятие интенциональности взял у схоластов и представил его следующим образом. Каждое душевное явление имеет свой предмет, но относится к нему по-разному: если что-то представляется, то, значит, выражается в представлении, если утверждается, то – в утверждении, если что-то любит – в любви и т.п. На основе обобщения он выводит общую особенность выражения различных душевных актов и называет ее понятием «интенциональное существование предмета». Отношение сознания к предмету может принимать различный вид, зависящий не от предмета, а от состояния сознания. В отношениях утверждения, любви, восприятия один и тот же предмет может становиться разными предметами [8, с. 204]. Такие виды сознания и получили у Гуссерля название интенциональные. Но на этом поиски Гуссерля не закончились. Он ввел понятие «жизненный мир», объясняя его так. В результате феноменологической интенциональности и объективации нами воспринимается не объективный мир сам по себе, а «феномен предмета» с его «значением» для сознания. А так как мир в целом как объект феноменологии складывается из таких феноменов (предметов), следовательно, мир раскрывается как особый жизненный мир, складывающийся из мнений о мире – *doxa*. Есть некое сходство в рассуждениях Гуссерля, Гумбольдта, Сепира, Уорфа и др. о так называемой «промежуточной картине мире», которая складывается из значений языка и стоит между сознанием человека и объективным миром. Не менее значимый вклад в этом направлении был сделан отечественным мыслителем А.Ф. Потемной. Он подчеркивал, что в основе языкового явления могут лежать не только понятия, но и представления. Мир становится центральным понятием и у Хайдеггера. Под ним он понимает своеобразную систему символов, ценностей, принципов, благодаря которым разворачивается вся человеческая жизнедеятельность. Язык становится сущностью бытия и его домом. Однако современного человека Хайдеггер определяет как бездомного, утратившего свои корни.

Третий уровень определяется знаковостью. О том, что язык есть знак и система, подчиняющаяся своему собственному порядку, прямо заявил в своей концепции Ф. де Соссюр. Слова – это лингвистические знаки, предназначенные для приобретения, хранения и трансляции определенной информации. Об их оформлении в знаки стали задумываться еще греки. Для

Аристотеля «звуки, произносимые голосом, суть символы состояний души, а написанные слова – символы слов, произносимых голосом» [1, 16а3]. Голос порождает первичное означающее и обозначает состояние души одновременно. Между бытием вещей, душой и эмоциями устанавливается естественное означивание, а между логосом и душой – отношения условной символизации. Будучи знаком, слово тем самым рассматривается как указание, обозначение другого предмета, действия, некоего субъективного образования. Но для того, чтобы звуковой комплекс превратился в слово-знак, необходимо выделение особых социальных ситуаций, в которых происходит употребление определенного знака. Эти ситуации связаны одновременно со становлением языка и мышления.

С этим уровнем тесно связан четвертый, хотя его можно рассматривать и как продолжение третьего. Назовем его социоидеологическим. Языковые единицы могут иметь идеологическое измерение. На этом уровне происходит кодирование определенных ценностных устремлений, устойчивых идеологием, мировоззренческих установок. Такое понимание языковой картины мира мы находим уже у М. Бахтина (Волошинова В.В.), затем об этом писал Р. Барт. Слово, по Барту, оформляется и по правилам формальной грамматики и по законам идеологического синтаксиса: даже грамматические категории могут идеологизироваться. Язык как письмо способен оказывать влияние на видение мира говорящих на нем людей, навязывание определенного вида письма – это навязывание определенного образа мира. Другими словами, мы живем в нами сконструированном мире, который становится контекстом, в котором и только в нем мы и можем общаться, думать.

Выводы. Под «картиной мира» мы понимаем объективную действительность, постоянно развивающуюся и меняющуюся, которую человек понимает как совокупность знаний, сформированных в общественном (групповом или индивидуальном) сознании. Основой «концептуальной картины мира» выступает концепт, понятие, а основой языковой (промежуточной) – слово. Говоря о том, что наше видение мира оформляется концептуальной картиной мира, которую можно представить как интегрированное образование различных уровней, мы предполагаем следующее. «Промежуточная картина мира» (языковая) постоянно дает новый материал для оформления концептов, понятий. XXI век – это время тесного сближения культур, языков, время диалогов и событий, время смены «картины мира». Поэтому есть не только возможность, но и необходимость говорить о формировании нового понятийного аппарата в условиях коммуникативно-прагматической парадигмы, способствующего дать более адекватное понимание реальности как «картины мира».

Список литературы: 1. *Аристотель*. Об истолковании // Сочинения в четырех томах. - Т.2. – М.: “Мысль”, 1978. – С. 91 – 116. 2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Пер. с фр. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с. 3. *Брутян Г.Т.* К понятию концептуальной

картины мира // Вопросы философии. – 1972, №10. – С 36 – 47. 4. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа: пер. с нем. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: URSS, 2004. – 232 с. 5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика Сборник. – М.: Прогресс, 1985. – С. 79 – 128. 6. *Гете И.В.* Фауст: Трагедия: пер. с нем. – М.: АСТ, 2003. – 463 с. 7. *Гумбольдт фон В.* Язык и философия культуры. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с. 8. *Гуссерль Э.* Логические исследования // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – М.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – С. 5 – 287. 9. *Платон.* Государство // Избранные произведения. – М.: Мысль, 1998. – С. 63 - 382. 10. *Хайдеггер М.* Картина мира // Время и бытие. – М.: Изд-во «Республика», 1993. – С. 41 – 62.

Поступила в редколлегию 21.12.07

УДК 162

М.В. СМОЛЯГА, канд. филос. наук,
Г.Г. СТАРИКОВА, канд. филос. наук

ПОНЯТИЕ И ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В статті аналізується становлення міждисциплінарної структури сучасної науки, зокрема, важливе місце віртуалістики в гуманітарних та природничих дослідженнях. Особливу увагу приділено комунікативній характеристиці віртуальних світів людини та її ролі у розвитку постнекласичної науки.

This article is connected with the problem of becoming the interdisciplinary structure of science. The analysis of the virtual methods in humanitarians and natural sciences also is given in the article. The especially attention is given to the communicated characteristics of the human's virtual worlds and there part in modern science.

В статье анализируется становление междисциплинарной структуры современной науки, в частности, важное место виртуалистики в гуманитарных и естественнонаучных исследованиях. Особое внимание уделено коммуникативной характеристике виртуальных миров человека и ее роли в развитии постнеклассической науки.

Актуальность темы исследования. Один из ключевых вопросов становления современной научной картины мира связан с включением междисциплинарного субъекта познавательной деятельности в схему открытой постнеклассической рациональности и производства теоретических знаний. Новый постнеклассический этап развития науки характеризуется сдвигом мировоззренческой парадигмы, затрагивающим самые различные аспекты: синергетику, виртуалистику, глобалистику, когнитивистику, постнеклассическую психологию и т.д. Особое значение для разработки современных методов познания в онтологическом и эпистемологическом направлениях имеет развиваемая в настоящее время концепция виртуальности.